

Дмитрий БРИСЕНКО

Дмитрий Брисенко родился в Великих Луках, жил на Урале и в Подмосковье. Окончил РХТУ им. Д.И. Менделеева и два курса заочного отделения Окончил РХТУ им. Д.И. Менделеева и два курса заочного отделения литературного института им. А.М. Горького. Автор книги стихов «Из всех орудий» (2019). Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Русская жизнь», «Новая Юность» и др., в электронных изданиях «Формаслов» и «Этажи», а также в нескольких антологиях современного рассказа. В «Волге» публиковалась проза (2015, 2019, 2020). Живет в Москве.

Ехал зимой в холодной электричке,
В тамбуре печальные люди попросили спички,
Спичек нет, ну вот тебе наша необъятная нежность,
Жизнь это статистическая погрешность,

Квантовый переход через подземные Альпы,
У личного состава белой ниткой шиты скальпы,
Криогенный Дед Мороз предложит новую тему,
При помощи двух спичек сжечь всю эту эпистему,

Но спичек нет, и вот ты выброшен из тамбура,
Вышел, как в космос, только без скафандра,
Стоишь в чистом поле, взглядом сверлишь даль,
Цепенеет кровь, мигает дальним светом
Небесная Электросталь.

Понимаешь, у меня был билет только в одну сторону,
Говорит он грустному ворону,
Я шёл на запад, а пришёл на восток,
Выходил под Modern Talking, пришёл под ТикТок.

Из-за плетня мне пели ой-вей,
This is the only way,
Be my friend, come back again,
Я отлеплял от себя тётъ Люд и дядь Ген.

Я шёл всё время куда-то вбок,
Не то на запад, не то на восток,
Из 80-х прямиком в десятые,
Из клетчатых штанов в полосатые.

По пути в никуда (я понял это не сразу)
Мне с небес явилась семикрылая фраза:
Мол, что не убивает, то и хорошо,
А вроде вышел за стиральным порошком.

Порошка не купил, да и не было хлеба,
Не было погоды, не было неба,
Были оценки в школе, учеба в вузе,
Потом дела, перестрелки, трупы в кукурузе...

Понимаешь, у меня был билет только в одну сторону,
Говорит он грустному ворону,
Ворон смотрит в небо, сверкает глаз,
И сказать ему осталось лишь пару фраз.

«Да у меня этих шансов вагон
И маленькая тележка», –
Думает Белоснежка,
Досылая в патронник патрон.

Гномы прячутся по кустам,
Принцесса смотрит в прицел,
В кустах всхлипывает дворник Рустам,
Тихо молится, чтобы остался цел.

Битые стекла, пустые тележки,
И знания твёрд орех,
«Как же я раньше не догадалась, – думает Белоснежка, –
Что каждый гном это смертный грех».

Её осенило в очереди на кассу,
И сразу ясно стало, как дальше жить,
Не поднимая глаз, оплатить творожную массу,
А потом преступным порокам свинцовые простыни постелить.

«Шансов много, – твердит Белоснежка, – по числу патронов»,
Лень убита, чревоугодие тоже мертво,
Где-то прячется гнев... но откуда-то с дронов
Уже оценивают её мастерство.

Картинка похожа на симулятор боев за Припять,
Дождливый сумрак, круги сужает неясить,

Проломы в асфальте, а в них зеленеет сыть,
«Да чёрт возьми, шансов много», —
Принцесса сжимает зубы, чтобы не выть.

«Да у меня этих шансов вагон», —
Шепчет, глядя вверх, Белоснежка,
Оставляя позади туманный затон,
Гремит по Нагатино пустая тележка.

Еле живые в горшках

В предновогоднем Ашане
Увидел в горшках
Ели, живые ели.
Но, как это случается,
Ценник написали с ошибкой,
Такие ошибки любят
Фотографировать
И выкладывать в соцсетях.
Пользователи весело ржут,
Пишут много задорных,
Остроумных комментариев.
Но с этой опечаткой
Вышла особенная история.
Эта фраза очень точно
Выразила суть вещей.
Как там в песне поётся:
Я, ты, он, она,
Вместе целая страна,
Вместе дружная семья,
В слове мы сто тысяч
Еле живых в горшках.
Все дико устали.
Я, ты, он, она,
Вся дружная семья,
Вся целая страна,
Все еле живы,
Тащат за собой горшок,
Как улитка свой дом,
Сквозь сизый декабрь,
Сквозь сумерки
Цвета рижского бальзама,
Под пронзительный лай
Да под птичий гай.
Кто-то тянет давно,

И ресурса осталось
На две-три фазы Луны,
Кто-то только вышел в путь
И горшок его лёгок,
И вся жизнь впереди.
Тащат, тащат горшки,
Как заниженная приора
На остатках бензина
Тащит в гору
Лихих ездоков.
Тащат, тащат своё барахлишко
Сквозь разболтанный ход
Хромающих дней,
Сквозь тусклый пузырь декабря,
Сквозь твёрдую наледь
На асфальтовом поле,
Под пронзительный лай
Да под птичий грай.
И яркий цветок на асфальте
Бирюзового, синего
И красного цвета –
Лишь разводы
Бензина.

Воспоминание о будущем

Вчера я видел купюру пять тысяч рублей,
Это невероятно вскружило мне голову,
Я захотел купить ее за семь тысяч рублей,
Мне было не жаль и восьми, и даже десяти тысяч рублей,
Как птицелову не жаль румяных, крепеньких снегирей,
Как лесорубу не жаль раскидистых тополей,
Как тёте Лиде не жаль своих пышных бровей.
Но когда морок развеялся,
Я обнаружил себя у старого обменника,
С дверью, обитой коричневым дерматином,
С перегоревшим табло.
В руке я сжимал комок старых,
Помятых купюр достоинством десять,
Пятьдесят и сто тысяч рублей.
Рядом стоял приземистый господин
В коричневом пиджаке поверх водолазки,
Заросший щетиной до глаз.
И, сверля меня чёрным зрачком,
Говорил, что накинёт сверх курса десятку.

В густых сумерках нехорошо сверкал золотом зуб
И оттопыривался карман пиджака.
А рядом его кореша делали вид,
Что просто так тут стоят,
Но их выдавали пустые холодные
Взгляды, которыми они
Тыкали меня, как ребёнок
Тыкает булавкой
Мохнатую толстую гусеницу.

В день города
Я побывал на дне города,
Я видел дно города
И мне не удалось всплыть,
С тех пор время идёт вспять,
Пузырится река времени,
Впадая в город,
И на дне его
Плещутся в нарядном фонтане
Пожилые военные.

Как в абрисе рыбы просматривается фюзеляж,
Так в разгаре летнего дня иногда проступит зимний пейзаж,
Время с пространством нарядятся в чёрно-белую униформу,
Морозный воздух, как спецотряд, обрушится на платформу,

Ты стоишь на этой платформе, как стрелки на разбитых часах,
В ушах громыхает ветер, как гитары на концерте Laibach,
Стоишь давно, ждёшь в ночи последнюю электричку,
Но она не едет. И вот духи зимы устраивают переключку,

А после подходят к тебе. Ну что, братан,
Как сам, давно здесь, с какого района, а если найдём?
Стоишь, мычишь, и алые брызги летят на белый зимний кафтан,
Становишься луноликим настолько, что не входишь в дверной проём.

Но это ладно, это плохой сценарий, а при хорошем
Просто на пару метров эту пыльную зелень беленьким припорошит.
Всё это легко представить, если взглядеться в ландшафт,
Лето здесь гость, и только зима пьёт с тобою на брудершафт.

И нет ни одной причины, чтобы на очередном плебисците
Выбрать осточертевший тулуп, а не легкомысленные кружева,
Но ты каждый раз идёшь на прорыв, как Спасский в сицилианской защите,
И уверенно ставишь галочку в клетке со словом «зима».

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Напрасно, мамочка, ты в детстве мне лгала,
Теперь я знаю, что такое Церковь ада,
И сока виноградного цикута.

«Э, брат, послушай: ты не прав!
Настойку горных трав
Прими, чурчелой закуси
И будешь аксакал!»

«Чурчела это Church of hell
И если её съесть,
То на лопатках у тебя
Взойдет густая шерсть.

При лунном свете сиганёшь
В открытое окно,
При свете солнца зиганёшь
Безвестному никто.

Батут бетонный прошибёшь
Бугристым твёрдым лбом,
Глаза, широкие, как клёш,
Обваришь кипятком...»

Чёрчэлу съел, и весь аул
Танцует коровяк,
Баран чихнул, присвистнул рак,
И стал я Вельзевул.

Телефонный разговор

На меняросло тело, пока я спал,
Хоть и спалось-то мне всего малым мал-мал,
Тело как пудовая гиря, его не сбросить,
И как поступить в такой ситуации, не у кого спросить.

А у меня душа во сне парила в горних высях,
Ох, тело ты, тело, взять бы тебя да высечь.
Терзало меня тело, лоснилось, потело,
Чуть до греха не довело, до беспредела.

Ну ладно, что делать, через неделю надел тапки, пошёл на работу,
Там таскают свои тела такие же, как я, поясни-за-шмоты,
Хоть не одинок на свете, всё не так сиротливо,
Буду ждать перемен, как ждут у моря прилива.

Полгода влачил своё нелепое тело, потом пообвыкся,
Взял кредит, ипотеку, оформил дачную недвижимость в Выксе,
На выходные приезжаю сюда на почти новой ренохе,
Ладно, мам, пока, целую, передаю трубку Антохе.

Следы от электрошокера признали укусами клопов,
Ссадины на пятках и голенях признали царапками котов,
Нарушение целостности барабанной перепонки признали побочным эффектом
наушников Beats,
Переломы лицевых костей признали особенностями внутриутробного развития,
Синий след на шее признали следствием неудачной примерки галстука из
последней коллекции Zegna,
Ушибы лёгкого признали последствиями табакокурения вопреки предупреждениям
на пачке,
Переломы ребёр признали попыткой надеть майку размера XS при актуальном
размере XXL,
Чёрные, фиолетовые и синие гематомы признали производением бодиарта,
Кончину потерпевшего признали неумением жизни победить смерть неизвестным
способом.

Старинный поезд ходит по воде,
В прозрачных небесах парит кособус,
Лошадка пегая бредёт по борозде,
И с каждым кругом медленнее глобус.

О чем хочу с тобой поговорить?

О том, что жизнь проходит, не начавшись,
О том, как горло жгло, хотелось пить,

Когда бежал домой,
Не наигравшись.

Надвинув небо на глаза, как шляпу,
Стоял на перекрёстке великан,
Чтоб проглотить заблудшего растяпу,
Железом щерился капкан.

А ночью загорались и светили
Белесым цветом злые фонари,
И по волнам драккар пирата Билли
Летал до первых проблесков зари.

О чём ещё хочу поговорить?

Вот чибисы с двузубыми клестами
Расчерчивают небо поперёк,
О кладбищах с осевшими крестами
Страшилки травит Игорёк.

Сугробы наметает до седьмого,
До самого седьмого этажа,
Проснёшься утром в полседьмого,
И шасть из окон в санках не дыша.

О чём ещё хочу поговорить...

О том, что нынче лоб, увы, расчерчен
Фигурами тоски и неудач,
О том, что путь срединный бесконечен,
Что был когда-то молод и горяч,

О том, что... смейся, Таня, или плачь,
Но всё-таки не тонет в речке мяч.

Когда берёшь меня под локоток,
Взрывает вены кровоток,
И сердце скачет Бубкой,
И всякий злобный Боб
Становится вдруг Губкой.

Убедительные интонации, приятный голос,
В моей жизни, кажется, будет меньше чёрных полос.

«Чтобы на деревьях не создавали скоплений коалы,
Включаем мелодии Яака Арновича Йоалы,
Чтобы разыгрался аппетит у совы,
Заведём ей трек “Стучаться в двери травы”».

Сижу в зоопарке, слушаю инструктора,
В голове выстраивается целое из деталей конструктора.

«Чтобы заткнулись на мгновение дурацкие вороны,
Ставим трек “Винтовка” Гражданской обороны,
А чтобы всем всегда было кайфово,
Заводим песни Александра Николаича Буйнова».

Я пришёл сюда по объявлению:
«Зоопарку требуется опытный диджей,
Повышать животным уровень культуры,
Избавлять от мимолётных сумрачных мыслей».

«Чтобы слон не лупил себя хоботом по лбу,
Покажем отрывок из фильма с твистующим Траволтой,
Чтобы бегемот высунул носопырку из тины,
Поставим пластинку Агилеры Кристины,
Чтобы жираф не был обузой,
Заведём свежий хит Ольги Бузовой,
А чтобы не ревели в своём углу медведи,
Включим запись концерта группы Маша и Медведи».

Я в 90-е активно диджеил, а сейчас как раз без работы,
Ну, чем чёрт не шутит, посвожу теперь пластинки для марабу и енота.

«Чтобы угод внимательно слушал выступление В.В. Путина,
Накладываем поверх “Аэропорты” Леонида Агутина,
Чтобы из отношений с гиеной ушла прохладца,
Есть золотая классика Валерия Меладзе,
Чтобы резвилась в клетке кенгуру,
Поставим песню “Хару мамбуру”.
Чтобы стихла в подвёрнутой лодыжки черепахи боль,
Включим песню “Школа жизни” группы Ноль».

Да-да, мы с вами на одной волне, у меня живое воображение,
Раннее музыкальное развитие, в начальной школе была пятёрка по пению,
Я всё сделаю как надо, сведу лучшие треки,

Чтобы жизнь была полна, как сок горячего чебурека.

И вот сижу, короче, на испытательном сроке,
Ставлю русскую попсу обыкновенной сороке,
Золотые хиты зарубежного рока – енотовидной собаке,
Прокачанный японский нойз – японской макаке.

Если горилла чем-то расстроена,
Ставлю ей песни Леонарда Коэна,
Барсук с крокодилом устали от рейва?
Пожалуйста! – лучшие баллады Ника Кейва.
Зевал енот, порвал себе рот?
Поднимем настроение треком Depeche Mode.
А чтобы не душила цаплю толстая жаба,
Всегда под рукой пластинки группы ABBA.

В общем, красота, я на все руки мастер,
Эх, рок-говнорок, фендер-стратокастер!

Однако к концу третьего месяца я притёрся и немного заскучал,
И чем дальше, тем отчётливей голос инструктора в голове звучал:

«Лишь одно жёсткое правило: никакого русского шансона,
Ни Шуфика, ни Круга, ни Лепса, ни Кобзона.
А то был тут один до тебя, врубил как-то “Владимирский централ”,
Так звери на неделю погрузились в тёмный астрал».

Эх, лучше бы он мне этого не сообщал,
Я вроде бы и так не по этой части,
Ставлю easy listening, и счастлив марал,
Но блин, никогда ведь не знаешь, где лежит твоё счастье.

В общем, как-то раз в один из вечеров, когда поток посетителей спал,
Я достал один там диск и тихонечко его замиксовал,
Который год как в непогоде я, то снегопады, то гроза,
Я к маменьке родной с последним поклоном
Спешу показаться на глаза.

Тут же со всех сторон полетело:
Давай-давай, качни грува, дай жару, братело!
Услышь наши крики из самой дальней клетки, братушка!
Не жалей угля, прокачай нас на всю катушку!

И вот вокруг меня звери в три ряда толпятся,
Пьют дешёвую водку, горланят и матерятся,
У многих в глазах светятся слёзы,

Особенно, если в песне слова про маму, измены
И ядрёные крещенские морозы.

Я сначала смущался, потом немного осмелел,
Подкинул чуток бита, добавил децибел,
И пошёл танцпол буграми да кровавыми пузырями,
Слэмил носорог, белка била по клеткам дверями,
Хоботом шлёпала себя по бокам слониха,
И плясали варан с жеребёнком безудержно лихо.

К двум часам ночи веселье достигло своего апогея,
Я сменял диск за диском, сил не жалея,
Стали всё чаще звучать разнообразные требования:
«Освободить всех заключенных из клеток!»
«Разрешить вести блоги для публикации заметок!»
«Уволить начальника зоопарка!»
«Продавать на территории водку “Зелёная марка”!»

К утру животные учредили анархо-синдикалистскую партию
За выход зоопарка из Российской Федерации,
А к обеду на территорию вошли ОМОН и Росгвардия,
Чтобы провести принуждающую к миру операцию.

«А ну, выключить колонки и на раз-два-три всем лечь пастью в асфальт!»,
Орал мегафон, надрываясь,
Но щёлкнул клювом белобрюхий аист:
«Без базара, пацаны, только вы там сперва завалите свои гештальты».

«Алягер ком алягер!» –
Извиваясь, шипела гигантская анаконда,
«На хер! На хер!» –
Вторила ей эхом большая панда.

Что тут началось!
Как из пулемёта бил копытом лось,
С криком «смерть Росгвардии от ножа»
Зашли на бредущем два стрижа,
А после опасной атаки скворца
Отряд не заметил потери бойца.

Вовсе не прост оказался клёст,
Он полицейских душил внахлёт,
Рыси, гепарды и прочие дикие кошки
Ловко и быстро гасили всем свет в окошке.

Бегемот с разгона сиганул в свою лужу,

Вызвав небольшое направленное цунами,
«Полегла вся рота, спаслись только мы с тремя пацанами» –
Вспоминал потом участник событий, некто Лужин.

Впрочем, зверям и птицам тоже досталось на орехи,
У многих на теле остались крупные прорехи.
Крокодила взорвали шашкой тротила,
Кроликов из свежего помёта расстреляли из гранатомёта,
А крупного мохнатого красавца шмеля
Просто поджарили из «Шмеля»,
С ним заодно десяток газелей,
А для баланса и красоты – столько же сосен и елей.

Неделю продолжались бои, то разгораясь, то затихая,
А на восьмой день зоопарк покинула последняя птичья стая.
На дымящихся развалинах хохотала обезумевшая гиена,
Летели хлопья сажи, подсыхала кровь и пожарная пена.

Через год по этой истории поставит спектакль Театр.док,
Рэпер Фасе запишет пару убойных треков,
Меня же сошлют этапом на Дальний Восток,
Гулять по периметру в компании таких же зеков.

Если буду хорошо гулять, выйду по УДО
Или отправлюсь отдыхать в санаторий «Полярная сова»,
Потому что музыка – она и в кутузке всему голова,
И я уже распеваю потихоньку боевую песню удода,

Свожу в голове цоканье дельфина и крики чайки,
Надеюсь, оно раньше выйдет из меня наружу,
Чем кто-то передаст наверх, и мне совсем прикрутят гайки,
И охрана под щёлканье затворов выведет меня на лютую стужу.